

Рина Зеленая

РАЗРОЗНЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

В работе над книгой принимала участие Злата Старовойтова.

Предисловие Василия Ливанова.

В книге использованы фотографии из личного архива Т. А. Элиавы.

Бильярд

Это я рассказала, к примеру, как можно начать книгу. А можно и совершенно иначе.

...Двадцать шестой год. Я иду по набережной Ялты рядом с Владимиром Владимировичем Маяковским. Только мы не гуляем, как все, а идем по делу — в бильярдную. Странно, что он позвал меня: у него всегда огромный выбор первоклассных партнеров. Но послушаться его я не могу, он и так чем-то расстроен.

Мне трудно объяснить, как я тогда относилась к Маяковскому. Я видела его редко — на литературных вечерах или в Доме Герцена. При

этом он всегда как-то по-доброму разговаривал со мной, а я, не знаю почему, не могла держаться с ним просто, как со всеми. Какая-то тревога всегда овладевала мной. Я старалась произносить что-нибудь «умное» и от этого казалась себе еще глупей. В Ялте я встречала . Маяковского чаще. На этот раз я шла по набережной совсем в другую сторону, когда встретила его. Он сказал:

— Пошли в бильярдную!

Я повернулась и пошла.

Он шагает большими шагами. А я, воображая, что иду с ним в ногу, семеню, просто бегу, стараясь не отставать. Я хоть понимаю, кто

идет рядом со мной, знаю, что это гений, но еще не восхищаюсь его стихами — я стала понимать их и любить позднее.

Здесь, в Крыму, Маяковский выступал на открытых сценах курзалов. Его слушали все, кто был в это время на крымских курортах. Мы, актеры, приглашенные для работы на ЮБК (Южный берег Крыма), работали повсюду. Нас навалом грузили в полуторки — пианистов и певцов, чтецов и балерин — и возили по всему побережью (Алупка, Симеиз, Алушта, Гурзуф). Но каждый старался попасть на вечер Маяковского.

И мне выпадало несколько раз счастье слушать

его, слышать музыку неповторимого низкого голоса, видеть его удивительную манеру держаться, его спокойные, полные достоинства движения.

Обо всем об этом теперь написано сто тысяч слов. Я вспоминаю только мои ощущения того времени. Например, мне казалось, что спокойствие, которым дышало все его выступление, спокойствие и храбрость были как бы начинены изнутри тревогой, страхом, неуверенностью, как у дрессировщика в клетке с тиграми. Среди людей, купивших билеты на вечер, были и шакалы, и барышни, и хулиганы (хулиганство на литературных вечерах тогда

считалось модным, как наличие собственного мнения о какой-нибудь литературной школе; «тявкали» даже отдельные барышни).

Актеры из Москвы, Ленинграда, Киева давали концерты в курзалах, и нам бывало страшно: ведь все внове, под открытым небом. Например, впервые появилось художественное чтение. Придумали тогда артисты — Яхонтов и другие — читать со сцены литературные фрагменты (Лескова, Чехова, Сейфуллину, Бабея). Драматические актеры на вопрос, кто сейчас на сцене, насмешливо отвечали:

— Кто-то читает вслух.

Сейчас мастера художественного слова также

необходимы людям и читают любимые наши страницы и по радио, и на сцене, и по телевидению, иногда целиком произведения Шолохова, Толстого, Айтматова.

Тогда еще не было ни микрофонов, ни вопящих девиц, ни электрогитар, ни фонограмм, ни Пахмутовой с Добронравовым. Было только право добиваться победы над зрителем, заставляя его чувствовать себя укрощенным и обогащенным. Все мы приезжали на гастроли без всяких гарантий: какие будут сборы, какая погода — ничего неизвестно. Нам давали жилье — какую-нибудь бывшую виллу, — и все мы, как перелетные птицы на сломанном грозой

дереве, размещались, устраивались, умывались в море, ели по талонам в столовке, все почти одинаковые босяки, что Яхонтов, что Блантер. И ни одного лауреата.

...Итак, мы с Владимиром Владимировичем входим в бильярдную. Там почти всегда одни и те же лица: курортники, актеры, кто-нибудь из писателей. Как всегда, накурено. Им что море, что погода — все равно. Они ждут очереди: столов мало. Кии — хотя есть хорошие — надо тоже ждать.

Появление Маяковского всегда событие. Играет он виртуозно. Его условия жестоки — заставляет по уговору лезть под стол

проигравшего беспощадно, хоть ты лысый, хоть плачь: раз уговорились — пролезай под бильярдом во всю длину.

Сейчас в бильярдной человек шесть-восемь. Маяковскому сразу освобождают стол. С кем он хочет играть? Он заявляет:

— Я играю с Риной. Условия такие: играем американку. Она должна положить два шара, я — тринадцать. Если выигрываю я, все присутствующие ставят мне по бутылке вина. Если Рина — я всем по бутылке.

Положение у меня неприятное. Не потому, что условия игры вполне унижительные. Играю я, конечно, плохо, но все-таки довольно хорошо.

Американка — это не пирамида. Американка — игра особая: если ты кладешь от шара «своего» — это считается шар. И если в лузу падает «дурак» — это тоже шар. Как же я могу проиграть? Фактически не могу. Если только Владимир Владимирович положит все тринадцать шаров подряд с одного кия.

Я разбиваю пирамиду от души, так, что шары разлетаются по всему столу. Маяковский, прищурив один глаз от дымящейся в углу рта папиросы, внимательно оглядывает другим глазом расположение шаров. У него свои расчеты. Он играет левой рукой. В это же время каким-то особенно элегантным

движением он мелит мелком кончик кия. Маяковский начинает. Шары летят безошибочно. Подряд три в правый угол, два мягко, накатом, — в середину, от двух бортов — в угол, «свой» сам падает в середину, через весь бильярд — в левый дальний, еще одного «своего» ввинчивает в середину. Ему нельзя сделать ни одной ошибки. Но он ее делает. Все ахают. Я тоже не ожидала этого. Теперь дело за мной.

Я важно мелю кий, нечаянно кладу «своего» в середину и последний с треском на клоштоссе всаживаю в угол. Всё! Я, к сожалению, выиграла. Мне аплодируют, а я боюсь

посмотреть на Владимира Владимировича.
Потом оглядываюсь и вижу, что он улыбается.
Он доволен. Плохое настроение как рукой
сняло.

